

А.Г. АЛЕКСАХА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯН. ПРОГРЕССОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Ця книга є спробою реконструкції ранньої історії слов'ян з часів їхнього виділення з індоєвропейської спільності до завершення їх розселення. Для вирішення цієї задачі автор також розглядає деякі проблеми розселення індоєвропейців. Для реконструкції ранньої історії слов'ян автор використав запропоновану ним модель розвитку суспільства.

Ключові слова: слов'яни, індоєвропейці, пражська культура, прогрессологія.

Эта книга представляет собой попытку реконструкции ранней истории славян со времени их выделения из индоевропейской общности до завершения их расселения. Для решения этой задачи автор также рассматривает некоторые проблемы расселения индоевропейцев. Для реконструкции ранней истории славян автор использовал предложенную им модель развития общества.

Ключевые слова: славяне, индоевропейцы, пражская культура, прогрессология.

This book is an endeavor of reconstruction of early Slav history since time of their separation from Indo-European society to the end of their settling. For the solving of the problem author considered some problems of Indo-Europeans settling. For the reconstruction of early Slav history author applied proposed by him model of society development.

Key words: Slavs, Indo-Europeans, Prague culture, progressology.

З цього числа журналу ми розпочинаємо публікацію монографії А.Г.Алексахи «Походження слов'ян»

Проблема происхождения славян интересна широким слоям населения и давно находится в центре внимания науки. На эту тему написано огромное количество исследований, и сказать что-то новое возможно лишь либо при получении новых уникальных данных, либо при новых способах осмысления уже накопленных наукой фактов.

Именно попыткой использовать новую методикку исследования для реконструкции наиболее ранних этапов славянской истории и является эта книга. Методика, о которой идет речь, впервые была мною изложена в монографии «Введение в прогрессологию»

[Алексаха 2004], однако затронутая в ней проблематика несравненно шире ранней истории славян.

Таким образом, книга «Происхождение славян» является апробацией методов, которые можно назвать прогрессологическими, для изучения тех периодов истории, о которых у нас практически нет письменных сведений. Об этом времени мы можем судить на основании главным образом данных археологии, лингвистики и, в определенной степени, этнографии.

Использовать антропологические и генетические данные можно только ограниченно, так как антропологический состав населения Европы существенно менялся преимущественно лишь до конца бронзового века. Кроме того, длительное время у многих народов Европы

господствовал обряд кремации умерших, поэтому костные останки не сохранились. Применение прогрессологических методов к столь ограниченной базе источников может оказаться весьма перспективным, если эти методы позволят выявить специфические закономерности развития ранних обществ, понять причины миграций, этнокультурные изменения и экономические процессы.

1. Методология.

Поскольку наше исследование будет осуществляться не только на основе формальной логики и здравого смысла, но и на основе определенной модели развития общества, то очевидно, что прежде всего нужно изложить основные принципы этой модели. Я постараюсь дать здесь лишь самые главные теоретические положения модели применительно к интересующему нас историческому периоду, более подробно эта тема раскрыта в вышеупомянутой книге [Алексаха 2004, с.5-27] и в моей диссертации [Алексаха 2011]. Я очень прошу читателя постараться получше понять и запомнить теоретическую часть, так как без этого дальнейшее изложение будет непонятным.

В основе предлагаемой модели развития общества лежит тезис о том, что человечество биологически едино. Несмотря на то, что разные народы очень сильно отличаются друг от друга и не столько внешне, сколько своим образом и уровнем жизни, способом мышления, шкалой ценностей и т.д., люди биологически одинаковы. Существует немало примеров того, как грудные дети из самых отсталых обществ попадали на воспитание в высокоразвитые страны и впоследствии ничем, кроме своей внешности, не отличались от детей коренных жителей. Следовательно, раз все люди в своей массе при рождении одинаковы, то все они в одинаковой степени способны к развитию. Если мы допускаем, что отсталые народы являются таковыми потому, что такими родились, то есть менее способны к прогрессу, чем жители развитых стран, то мы сразу оказываемся на расистских позициях. Если же мы признаем биологическое

единство человечества, то, следовательно, все различия между народами есть результат внешних факторов. Целью создания модели развития как раз и является определение тех главных, внешних для человека факторов, которые определяют прогресс общества.

Наиболее важным для правильного построения модели развития является правильный выбор критерия прогресса, то есть такого показателя, изменение которого и будет означать прогресс. Кажется очевидным, что мудрить тут особенно нечего, потому что прогресс – это хорошо, а его отсутствие – плохо. Но всегда ли явный прогресс сопровождался улучшением жизни людей? История свидетельствует, что нет, и далее я приведу немало примеров, подтверждающих этот тезис.

Поскольку кажется очевидным, что прогресс реализуется через изменения в материальной культуре, то распространено мнение, что прогресс должен происходить в случае ее усовершенствования. Но может ли материальная культура и в первую очередь орудия труда, как ее главный производящий фактор, быть критерием прогресса? Очевидно, что предметы материальной культуры могут быть легко заимствованы путем обмена, в качестве военной добычи, в результате дарения. Но означает ли такое заимствование прогресс? Например, на Новой Гвинее заимствование железных топоров племенами, питающимися главным образом саго, то есть крахмалистой сердцевинной саговой пальмы, существенно подняло производительность труда. Но это привело не к прогрессу общества, а лишь к сокращению времени работы и увеличению времени досуга [Salisbury.1962]. Подобные примеры носят массовый характер. Заимствование индейцами-охотниками за бизонами огнестрельного оружия и лошади не привело к ускорению их развития, так же как и заимствование ранними земледельцами железных сельхозорудий.

Следует сказать, что проблема критерия прогресса является одной из сложнейших проблем общественных наук. До сих пор

общепризнанного критерия прогресса нет, и некоторые авторы даже утверждают, что «...подобных критериев просто не существует» [Коротаев, с.7]. Именно потому, что не удается определить критерий прогресса, многие западные ученые вообще избегают этого термина. Как мне кажется, если мы не можем решить эту проблему в рамках истории человечества, нам нужно расширить эти рамки, ведь человек – сам продукт процесса развития, а такие процессы настолько глобальны, что часто их действие вовсе не кончается там, где нам уже отчетливо видятся их результаты.

Итак, прежде чем говорить о прогрессе социальном, рассмотрим прогресс биологический, вследствие которого человек и возник. Сегодня ни у кого нет сомнения, что появление человека есть результат естественного отбора в ходе борьбы за существование. Но, как мне кажется, часто упускается из вида, что борьба за существование начинается в определенных условиях, о которых Дарвин писал так: «Борьба за существование неизбежно вытекает из большой скорости, с которой все органические существа имеют тенденцию увеличить свою численность» [Darwin 1859, p.63].

Исследованиями экологии популяций установлено, что при заселении новой территории численность популяции растет почти экспоненциально до определенного уровня плотности, который можно назвать критическим. Следовательно, критическая плотность популяции животных – это максимально возможная их плотность в долгосрочной перспективе при данных природных условиях. После достижения уровня критической плотности количество особей колеблется, то превышая этот уровень, то снижаясь ниже него. Основным фактором, определяющим циклические колебания численности популяции, является размер кормовых ресурсов, который и определяет критическую плотность популяции. Когда плотность популяции животных возрастает сверх критической, они поедают свою

кормовую базу (растения или другие животные) быстрее, чем она может восстанавливаться. Кормовая база быстро сокращается, вследствие чего сокращается и плотность популяции. Наконец, плотность популяции становится настолько мала, что кормовая база начинает восстанавливаться, и процесс повторяется.

Именно тогда, когда плотность особей в популяции превышает некую критическую величину, после чего средств существования начинает не хватать на всех, и начинается, по Дарвину, борьба за существование, в ходе которой выживают наиболее приспособленные, и «..каждое существо обнаруживает тенденцию делаться более и более улучшенным по отношению к окружающим его условиям» [Darwin 1859, p.129]. Именно так и возник человек. Первоначально его способ добывать средства существования принципиально не отличался от того, как это делают животные. Человек охотился и собирал дикорастущие растения, только делал это намного более искусно, чем животные. Однако, в соответствии с Дарвином, когда-то наступило такое время, когда средств существования перестало хватать всем. Иными словами, в определенных человеческих популяциях был достигнут уровень критической плотности. Именно в этих условиях и произошло то, что принципиально отличает человека от животного: животные в таких условиях подвергаются естественному отбору, а человек, благодаря своему разуму, изменил способ добывания пищи таким образом, что это увеличило критическую плотность и позволило жить на той же территории большему числу людей.

Смысл этих изменений состоял в интенсификации пользования землей. В экономике сельского хозяйства под интенсификацией понимают увеличение затрат труда и капитала на единицу площади используемой земли. Обратный процесс называется экстенсификацией. В результате интенсификации увеличивается количество продукции с единицы площади. Например,

собиратель тратит труд на поиск и сбор полезных растений. Земледелец тоже тратит труд на обработку земли и сбор урожая, однако очевидно, что из расчета на единицу площади используемой земли земледелец вкладывает намного больше труда и собирает намного больший урожай. Ступеней интенсификации землепользования в истории человечества было много. Например, отгонное скотоводство, при котором скот пасется на естественных пастбищах, намного экстенсивнее земледелия. Земледелие также имеет ряд ступеней интенсификации: подсечно-огневое, залежное, двуполье и т.д.

Следовательно, если критическая плотность популяции животных есть их максимально возможная плотность в долгосрочной перспективе при данных природных условиях, то критическая плотность человеческой популяции – это максимально возможная плотность населения при определенном уровне интенсивности землепользования и при данных природных условиях. В отличие от популяции животных, критических плотностей в человеческой популяции может быть много, в зависимости от того, насколько интенсивно используется земля.

Вместе с тем критическая плотность зависит и от изменения природных условий. Например, при достаточном количестве осадков население определенного уровня развития может получить неплохой урожай, а при засухе то же население, того же уровня развития, может получить столь плохой урожай, что начнется жестокий голод. Следовательно, критическая плотность – это также некая усредненная за ряд лет теоретически возможная плотность населения.

На первый взгляд представляется очевидным, что переход к более интенсивному землепользованию – это вопрос знаний и навыков. То есть, если население знает о более интенсивных методах, оно должно к ним перейти, ведь в этом случае отдача с единицы площади возрастет. Однако этнографами накоплена масса фактов,

свидетельствующих о том, что многие отсталые народы, владея навыками интенсивного землепользования, упорно придерживались прежних, более экстенсивных методов хозяйствования. Описаны случаи, когда целый ряд народов в самых разных местах Земли (азта, пунаны, пигмеи и др.), жившие по соседству с земледельцами, временами помогали им собирать урожай и имели все навыки для перехода к земледелию, но продолжали добывать пищу охотой и собирательством [История первобытного общества, с.270]. Многие собиратели знали, как разводить растения. Например, при выкопке дикого ямса они оставляли часть его корней в земле [История первобытного общества, с.269]. Этнографы наблюдали, как австралийские аборигены рассеивали зерна злаков, семена других полезных растений, например саговой пальмы [Harris 1977, p.426-429]. Некоторые группы австралийцев жали дикие злаковые, обмолачивали и провеивали зерно, мололи муку, из которой замешивали тесто и выпекали лепешки, но к земледелию так и не перешли [Максимов, с.21-33]. И такое нежелание интенсифицировать землепользование характерно не только для охотников и собирателей. В Европе трехпольная система земледелия возникла в раннем Средневековье, а ее распространение растянулось на шестьсот лет. Хотя крестьяне знали технологию этой системы, они зачастую продолжали практиковать двуполье, переложную и подсечно-огневую системы земледелия [История крестьянства, т.2, с.25-26]. Сложные севообороты с кормовыми травами были известны еще в античное время, но возродилась эта практика только в XIII в. во Фландрии [Nicolas, p.5-31], однако долго она ограничивалась Нидерландами и очень медленно распространялась в Англии, северо-западной Германии и северной Италии [История крестьянства, т.2, с.26-27]. Но даже в Англии севообороты с кормовыми травами стали широко распространенными только в XVIII в. [История крестьянства, т.3, с.50].

земля, прямо по ее поверхности разбрасывают семена, а затем по этому месту прогоняют скот, чтобы он втоптал семена в землю. Потом остается только убрать урожай. Ежегодные разливы реки приносили плодородный ил, что позволяло использовать участки ежегодно без удобрения. Пойменное земледелие было первоначальным во многих районах древних цивилизаций: в Палестине, Месопотамии и Египте.

Таким образом, очевидно, что при примитивных формах земледелия труда нужно значительно меньше, а урожай бывает больше или, во всяком случае, не меньше, чем при пашенном земледелии, а это означает, что производительность труда при более экстенсивном способе земледелия выше. Однако само по себе земледелие является довольно интенсивным видом хозяйственной деятельности. Если закон Бозеруп справедлив, то более экстенсивные виды деятельности являются более производительными. Действительно, этнографические данные подтверждают, что охота, собирательство и рыболовство требовали еще меньше труда для поддержания существования людей, занятых ими.

Например, бушмены Калахари имели средний дневной рацион, равный 2140 калориям. Чтобы обеспечить себя, а также детей и стариков, пищей, взрослые работали в среднем от 12 до 19 часов в неделю [Lee, p.39-40]. По другим свидетельствам, бушменам, чтобы обеспечить себя, детей и стариков пищей, нужно было работать в среднем пять часов в день [Tanaka, p.295-316]. Имеются также свидетельства, что бушменами одной из локальных групп, включающей в себя 16 охотников, за год добыто более 9 тонн мяса, что составило в среднем на члена группы, включая детей, более 100 кг мяса [Silberbauer].

Следует заметить, что бушмены живут в пустынных районах, в которые они были оттеснены в сравнительно недавнем прошлом. Что же говорить о народах, живших в более благоприятных условиях! Первые

переселенцы из Европы, прибывшие в Северную Америку, были поражены изобилием дичи и рыбы и той легкостью, с которой индейцы обеспечивали себя всем необходимым. В Старом Свете такая ситуация была также типичной в древности. Если мы обратимся к историческому материалу, то найдем там много свидетельств того, что охотники каменного века убивали просто громадные массы животных. Например, возле современного села Амвросиевка в Украине обнаружены кости почти 1000 зубров, убитых одновременно. По подсчетам ученых, в этой облаве участвовало около 100 охотников [Пидопличко, с.65-67]. В США также обнаружены стоянки, на которых нашли остатки сотен одновременно убитых бизонов [Macgowan, Hester]. Во Франции, в Солютре, у скалы, к которой загонялись стада диких лошадей, были обнаружены остатки 50-100 тысяч этих животных [Замятин, с.97-98].

Существовали и другие способы добывания пищи, например, сбор съедобных моллюсков, который был несравненно менее сложным занятием, чем охота и тем более земледелие. Собиратели моллюсков оставили огромные кучи раковин на морских побережьях запада Европы, севере и юге Африки, в Юго-Восточной Азии, на востоке США. Даже приведенных кратких примеров достаточно, чтобы понять, что охотники и собиратели работали намного меньше, чем земледельцы.

Разумеется, нельзя представлять себе жизнь охотников и собирателей легкой и беззаботной. Для всех без исключения охотников и собирателей правилом были периодические голодовки. Но и для земледельцев, особенно ранних, голодовки были правилом. И дело не только в том, что охотники и собиратели меньше работали. Их труд для человека в принципе намного легче, чем земледельческий. Он не столь однообразен и тяжел. Не случайно в современном обществе все эти виды деятельности (охота, рыбалка, сбор диких плодов и ягод) являются развлечением, то есть отдыхом, а не работой. Кроме того, характер

питания при переходе к земледелию становится значительно хуже. Рацион ранних земледельцев намного однообразнее, чем у охотников, в нем преобладают углеводные компоненты. У всех ранних земледельцев отмечалось белковое голодание, вызывавшее у детей рахит [История первобытного общества, с.451]. Поэтому продолжительность жизни у первых земледельцев была существенно меньше, чем у охотников и собирателей [Кабо; Козинцев]. Исследователи, хорошо знавшие условия жизни охотников и собирателей, удивлялись их переходу к земледелию, настолько при этом ухудшаются условия их жизни [Salins, p.32-35].

Однако переход охотников к земледелию все же происходил, причем везде, где за этим переходом наблюдали европейцы, он происходил в условиях кризиса [История первобытного общества, с.271], когда продукция, добываемой охотой и собирательством, стало хронически недоставать. Иными словами, по мере роста населения охотники и собиратели просто не могли прокормиться старым способом и были вынуждены перейти к земледелию.

И все-таки остается непонятным, почему, если интенсификация землепользования ведет к падению производительности труда, в современных развитых странах труд в сельском хозяйстве намного производительнее, чем в современных отсталых странах. Для ответа на этот вопрос нужно обратиться к экономической теории. Главный тезис Бозеруп об уменьшении производительности труда при интенсификации сельского хозяйства является экономическим законом, хорошо известным классической политической экономии, который формулировался как «diminishing returns on land», что, к сожалению, было неверно переведено в советской науке как «уменьшение плодородия земли», что совершенно искажает смысл этого закона. Правильно было бы перевести как «уменьшение доходов от земли».

Последний представитель классической политической экономии Джон Стюарт Милль считал, что закон уменьшения доходов от земли является «наиболее значимым положением в политической экономии. Если бы этот закон был другим, практически все явления производства и распределения богатства были бы не такими, как они есть» [Mill, p.177].

Позднее была разработана теория производства, в которой закон уменьшения доходов от земли рассматривался как частный случай общего закона убывающей доходности, согласно которому, если все факторы производства (в нашем случае – земельная площадь и капитальные затраты), кроме одного (в нашем случае – труд), остаются неизменными, то дополнительные затраты переменного фактора, хотя и увеличивают общий продукт, но после оптимума этот прирост непропорционален по отношению к увеличению переменного фактора. Другими словами, если при неизменной площади земельного участка и объеме капиталовложений мы увеличиваем затраты труда, то до определенного уровня будут расти как объем урожая, так и производительность труда. Но после прохождения точки оптимума увеличение затрат труда, хотя и ведет к увеличению урожайности, но производительность труда будет падать, то есть каждый дополнительный день работы будет давать все меньший прирост продукции.

Такое изменение производительности труда в сельском хозяйстве доиндустриального общества обусловлено тем, что интенсификация осуществлялась практически только путем увеличения затрат одного фактора – трудозатрат. Увеличение капиталовложений было редким явлением и происходило почти исключительно за счет мелиорации земель. Для других видов капиталовложений общество было недостаточно развито. В Европе только после индустриальной революции начался рост капиталовложений в сельское хозяйство за счет использования тракторов и других

сельхозмашин, синтетических удобрений, пестицидов и гербицидов, чем был и обусловлен быстрый рост производительности труда. После того, как это произошло, закон уменьшения доходов от земли перестал действовать и остался в истории экономической науки скорее как курьез. Только благодаря тому, что Бозеруп долго работала в развивающихся странах, где в то время капиталовложений практически не было, она заново открыла этот закон и ввела его в научный оборот.

Люди всегда стремились получить средства существования с наименьшими затратами труда. Экономия и рациональное использование сил характерны не только для современного общества, но и для наших далеких предков. Поэтому люди в первую очередь практиковали системы землепользования с наивысшей производительностью труда. Затем, по мере роста населения, данную систему приходилось интенсифицировать, несмотря на падение производительности труда. Таким образом, населению постоянно приходилось преодолевать все более возрастающие трудности, чтобы выжить. Если, как мы говорили выше, человек, в силу своей разумности, сумел избежать биологической эволюции, то в описанных условиях он неизбежно должен был подвергнуться эволюции социальной. Характер этой эволюции очевиден. По мере интенсификации землепользования люди для того, чтобы выжить, должны были становиться более дисциплинированными и трудолюбивыми, лучше контролировать свои инстинкты и лучше уметь думать. Смысл этих изменений состоит в том, чтобы лучше справляться с нарастающими трудностями, которые были следствием увеличения плотности населения, точно так же, как, по Дарвину, с увеличением плотности популяции усиливается борьба за существование.

Именно поэтому заимствование более совершенных орудий труда не вело к прогрессу. Прежде всего, что-то должно было

измениться в самом человеке, в его сознании. Эти изменения были следствием вынужденной интенсификации землепользования, в результате которой человек, чтобы выжить, должен был заниматься все более сложным трудом.

Итак, мы нашли тот единственный критерий прогресса, который действовал с возникновения человека и действует и сейчас. Это изменения в сознании людей, которые я предлагаю называть уровнем развития.

Уровень развития – это способность населения решать жизненные проблемы. Способность решать жизненные проблемы присуща всем человеческим обществам. Разница лишь в том, на каком уровне эти проблемы решаются. Этот уровень нельзя измерить линейкой или весами. Но для любого человека разница в уровне развития различных обществ очевидна. Например, во все времена людям была нужна вода, но решалась эта проблема по-разному в разных обществах. В одном обществе – методом ведер и коромысла, а в другом – путем строительства водопровода. Разница в уровне развития очевидна. Только в том случае, если данное общество вымирает, можно сказать, что оно не может решить свои жизненные проблемы.

Уровень развития определяется характером труда, иначе говоря, чем сложнее труд, тем выше уровень развития. В доиндустриальных обществах, где большинство населения занято в работах на земле (охота и собирательство, земледелие и скотоводство), уровень развития населения зависит от интенсивности землепользования. Качественные изменения характера труда влекут за собой качественный рост уровня развития. Поэтому переход от охоты и собирательства к производящему хозяйству, т.е. земледелию и скотоводству, привел к качественным изменениям в поведении населения не только в экономике, но и в социальной сфере.

Уровень развития подразумевает не только возможность того, что та или иная

Из этого положения следует принцип достаточности, согласно которому, при превышении данным сообществом критической плотности населения, интенсификация хозяйственной деятельности происходит лишь в той степени, в которой этого достаточно для удовлетворения уровня потребностей.

Принцип достаточности следует из стремления населения расходовать свой труд рационально, так как более интенсивное землепользование менее производительно. Поясним этот принцип на примере. При достижении населением, которое занято охотой, критической плотности, оно начнет заниматься, скажем, подсечно-огневым земледелием. Но население будет производить зерна лишь столько, сколько ему не хватает до необходимого уровня потребления. Именно так и происходило до недавнего времени в бассейне Амазонки. Практически все индейцы этого района были знакомы с подсечно-огневым земледелием. Но доля его в их хозяйстве для разных групп колебалась от 10% до 90%. Остальная еда добывалась старыми способами – охотой и собирательством. Если же население занято, скажем, подсечно-огневым земледелием, то при достижении критической плотности оно перейдет к пашенному земледелию, но на небольших участках вблизи селения. Примеров такого землепользования собрано этнографами достаточно. Размер этих участков будет расти по мере роста населения, до тех пор, пока население полностью не откажется от подсечно-огневого земледелия. Разумеется, интенсификация использования отдельных участков зависит от природных условий. Если какой-то участок земли, например, на сильно пересеченной и засушливой местности можно использовать только для пастбищного скотоводства, то население так и будет его использовать даже при условии максимально интенсивного использования других, более пригодных для этого участков.

Население всегда стремится воплотить свой уровень потребностей в жизнь. В

результате этих усилий человека окружает определенная социальная и материальная среда. Условия жизни населения можно назвать уровнем потребления. Уровень потребления обязательно должен соответствовать уровню потребностей, который, в свою очередь, соответствует уровню развития населения. Если уровень потребления существенно ниже уровня потребностей, то это всегда вызывает сильнейший дискомфорт и не может продолжаться долго. Такие случаи бывают, например, после тяжелых войн, после разрушительных стихийных бедствий и т.д. Это понятно и подтверждается нашим опытом. Гораздо труднее понять, так как у нас нет такого житейского опыта, что очень плохо также, когда уровень развития ниже уровня потребления. Между тем таких примеров известно множество. Они имели место при контактах отсталых народов с современным миром. Превышение уровня потребления над уровнем развития приводит к тому, что представители отсталых народов утрачивают жизненные цели, что приводит к деградации, алкоголизму, преступности, попрошайничеству и, в конечном счете, к их вымиранию.

При своем появлении на свет люди многое унаследовали от своего биологического прошлого. Так же, как и животным, людям определенного уровня развития для существования нужна была определенная земельная площадь. И, так же, как и многие высшие животные, люди образовывали группы, которые совместно эксплуатировали определенные территории и так же защищали их от посягательств извне. Никто из специалистов сегодня не сомневается, что человек с момента своего появления на свет жил в группе себе подобных. Подобные группы или объединения лучше всего называть сообществами. Сообщества – это объединения людей, наделенных правами на хозяйственное использование территории сообщества и совместно защищающих свою территорию от посягательств извне.

возможно лишь при определенных условиях, которые отвечают первому закону резервуара.

Первый закон резервуара: сопротивление давлению внутри резервуара определяется давлением в соседних резервуарах. Этот закон следует понимать так: как только плотность населения внутри сообщества превысит критический уровень, потребление будет снижаться. Поднятию критической плотности путем интенсификации земледелия препятствует закон Бозеруп, поэтому население будет стремиться решить свои проблемы за счет соседей, то есть захватить новые территории. Соседи будут этому препятствовать, но, если плотность населения внутри их сообщества не достигла критической, а масса населения меньше, то они проиграют борьбу, то есть стенка их резервуара будет обязательно продавлена и произойдет миграция населения, а критический коэффициент анализируемого нами резервуара упадет, и прогресса в нем не будет до нового его заполнения. Более того, если плотность населения упадет очень сильно, то возможен даже регресс, то есть переход оставшегося населения к более экстенсивной системе землепользования. С течением времени анализируемый резервуар вновь наполнится, и снова может произойти прорыв стенки другого соседнего резервуара. Далее в этот процесс включаются жители соседних резервуаров. Таким образом, в результате действия первого закона резервуара формируются большие регионы, состоящие из многих резервуаров. При этом критический коэффициент и уровень развития выше в центре такого региона и ниже на его периферии. Такой регион можно назвать агломерацией резервуаров. Из центра такой агломерации исходят импульсы миграций и культурных влияний. Со временем соседние агломерации резервуаров могут слиться, и на их основе может сформироваться конгломерация резервуаров, имеющая несколько центров, из которых один постепенно станет основным.

Очевидно, что, если природные условия препятствуют миграциям, то накопление

населения в данном резервуаре произойдет быстрее, так же, как и прогрессивные изменения.

Таким образом, первый закон резервуара имеет три главных следствия:

1. Миграции происходят из резервуаров, имеющих больший критический коэффициент, в резервуары, где этот коэффициент меньше.

2. Резервуары, миграции из которых по природным причинам затруднены, развиваются быстрее. Это острова, полуострова, горные долины и оазисы. Именно в таких условиях расположены все древние цивилизации – Египет, Месопотамия, Греция, Италия, Палестина и др. Разумеется, отдаленные места, как, например, острова Океании, представляют собой исключение из этого правила, поскольку их заселение произошло поздно.

3. Резервуары формируют агломерации, центры которых имеют более высокий уровень развития и из которых исходят культурные влияния и миграции.

Первый закон резервуара можно также назвать законом миграций.

Второй закон резервуара: чем резервуар меньше, тем он быстрее наполняется, но чем он меньше, тем меньше в нем возможностей для развития.

Необходимым условием развития сообщества есть заполнение резервуара. Меньший резервуар заполнится быстрее, чем больший и поэтому менее емкие резервуары развиваются быстрее. Но возможности для развития на первом этапе ограничены массой населения, то есть емкостью резервуара. Существует даже минимальная емкость резервуара, при которой развитие практически невозможно. Например, критическая плотность населения у жителей субарктических зон и южных пустынь очень низка, но возникновение тут цивилизаций невозможно, потому что численность населения слишком мала. Поэтому, хотя первоначально лидирующими оказываются страны с меньшей массой населения, затем лидерство переходит к тем, которые обладают

большей территорией и большим населением. Второй закон резервуара определяет последовательность смены стран, которые находятся на острие прогресса. Поэтому его можно также назвать законом смены лидера.

Третий закон резервуара: при приближении критического коэффициента к единице в резервуаре растет социальная напряженность, оживляется экономика и усиливается централизация власти, при снижении критического коэффициента процессы идут в обратном направлении.

При заполнении резервуара жизненных благ все больше начинает не хватать на всех. Это стимулирует развитие сельского хозяйства. Кроме того, все больше людей не находят себе работы в сельском хозяйстве и начинают заниматься ремеслом. Это стимулирует торговлю, а в целом разделение труда. В любом резервуаре существуют как отдельные люди, так и социальные и территориальные группы, которые готовы к такому развитию событий и выигрывают от него. Поэтому экономическое развитие ускоряется.

Дальнейший рост населения создает все более сильный дефицит средств существования, и уровень потребления падает ниже соответствующего уровня развития. Все это порождает недовольство все большей части населения и не только крестьян, поскольку в доиндустриальных обществах обеднение крестьян создает трудности почти для всех прочих слоев населения. Поэтому социальное напряжение в обществе усиливается.

Население ищет выход из этих трудностей и часто находит его во внешней экспансии. Осуществить такую экспансию можно лишь под сильным централизованным руководством, не случайно в армии и сегодня приказ старшего – закон. Ради решения проблемы растущего критического коэффициента население готово подчиняться власти и поэтому происходит ее закономерное усиление. Кроме того, далеко не все из тех, для кого в сельском хозяйстве нет работы,

находят ее в ремесле или торговле. Значительная часть таких людей пополняют ряды бродяг, воров, нищих. Поддерживать порядок в таких условиях может только сильная центральная власть. Кроме того, оживление экономики также требует усиления центральной власти для безопасности перевозки грузов и людей, строительства дорог и мостов, уничтожения внутренних таможен, преодоления произвола местных властителей и т. п.

Если же критический коэффициент снижается, появляется больше возможностей для желающих снова вернуться к труду в сельском хозяйстве, поэтому все вышеуказанные процессы идут в противоположном направлении. Таким образом, между уровнем развития и величиной критического коэффициента с одной стороны и развитием экономики, формами социальной организации и социальным состоянием общества существует определенное соответствие, поэтому третий закон резервуара может быть назван законом соответствия.

Таким образом, развитие человечества происходило путем перехода от менее интенсивной системе землепользования ко все более и более интенсивным. Если схематически представить этот процесс в виде лестницы, то на нижних ее ступенях будут находиться охотники и собиратели, затем скотоводы, занятые пастбищным скотоводством. Такое скотоводство требует от населения лишь работу по выпасу и охране стад. Следующей ступенью будут наиболее примитивные формы земледелия: пойменное, подсечное и залежное. И, наконец, этот список венчают формы пашенного земледелия, наиболее ранние формы которого - двуполье и трехполье.

Однако, это только схема. В действительности все было гораздо сложнее. Во-первых, принцип достаточности ведет к тому, что структура деятельности была всегда сложной и включала в себя наряду, скажем, с подсечным земледелием пастбищное скотоводство, охоту и собирательство. Эти же

виды землепользования могут сосуществовать и с трехпольем, но их доля, особенно охоты и собирательства, будет незначительной. Первостепенное значение имеет удельный вес того или иного вида землепользования в балансе потребления населения.

Во-вторых, каждый из приведенных видов хозяйственной деятельности сам по себе содержит много ступеней интенсификации. Например, скотоводство может быть пастбищным, когда скот пасется на естественных пастбищах круглый год. Более интенсивна стадия скотоводства, при которой скот летом пасется на естественных кормах, а зимой содержится в стойле и кормят его заготовленным кормом. Еще более интенсивным является стойловое скотоводство, при котором скот содержится в стойле круглый год, а корма для него выращивают специально.

Подсечное земледелие при очень низкой плотности населения позволяет выжигать старый лес, что позволяет обходиться без вспашки. По мере нарастания плотности населения крестьяне были вынуждены сжигать все более молодой лес, чтобы сократить время ротации участка. Уменьшение палового материала потребовало вспашки, так как жара уже не хватало для разрыхления земли. Также для сокращения сроков ротации вместо кольцевания деревьев и ветровала стала применяться рубка деревьев. [Алексаха 2004, с.17].

Пашенное земледелие без выжига леса может быть залежным. Дело в том, что при постоянном использовании участка под посев даже самые богатые черноземы через несколько десятков лет деградируют и сильно снижают плодородие. До появления синтетических удобрений эта проблема практически не имела решения, так как органики на всю используемую землю не могло хватить в принципе. Поэтому, если плотность населения была достаточно низкой, истощенный участок забрасывался на несколько лет (залежь) и плодородие

восстанавливалось естественным путем. По мере нарастания плотности населения срок залежи все более сокращался пока, наконец, участок не начинали засеивать через год, каждый второй год оставляя его под паром. Еще более интенсивным было трехполье при котором участок в первый год засеивался в конце лета – начале осени (озимый оборот), затем через год – весной (яровой оборот) и все следующее лето оставался под паром. При последующей интенсификации земледелия пары начинают занимать кормовыми травами, севообороты все более усложняются, так что пары полностью исключаются. Более интенсивным, чем выращивание зерновых, является виноградарство, а самым интенсивным видом земледелия является овощеводство, особенно поливное с выращиванием рассады.

В заключение этого краткого обзора следует подчеркнуть, что каждый новый шаг по ступеням интенсификации означал падение производительности труда, поэтому население всячески этому противилось и искало выход прежде всего в миграциях. Очевидно, что если плотность населения увеличивалась до критической, то для населения было предпочтительней переселение на новые, менее заселенные земли, чем переход к более интенсивной хозяйственной деятельности. Это был магистральный путь, по которому человечество шло многие тысячелетия и благодаря которому оно заселило всю Землю.

В этой связи очевидной является важность миграций. Эта важность осознавалась историками всегда, но непонятной была причина миграций. Непонятно, почему народы живут в одном регионе многие столетия, практически не меняя свой ареал, а потом рано или поздно наступает период миграций, которые перемещают народы на многие сотни и тысячи километров, резко меняют карту их расселения. Именно неизвестность причины миграций привела к давнему противостоянию автохтонистов и миграционистов. В том и другом случае одно

агломерации резервуаров происходит миграция. Если мигрирует население из резервуара, находящегося на периферии агломерации, то миграция носит характер «расползания» ареала данного сообщества, занимающей этот резервуар. В этом случае плотность населения в данном резервуаре существенно не снижается, а, скорее, остается постоянной. Уровень развития также сильно не меняется, так же как и уровень интенсификации хозяйственной деятельности. Для возникновения периферийных миграций необходимо, чтобы между соседними агломерациями было относительно слабозаселенное пространство, жители которого ведут соответственно более экстенсивную хозяйственную деятельность, чем жители агломераций.

Экс-центральные миграции происходят из центра агломерации резервуаров. Критический коэффициент в центре практически всегда выше, чем на периферии. Когда критический коэффициент в центре агломерации существенно превышает единицу, может произойти интенсификация земледелия, если, согласно первому закону резервуара, соседние сообщества смогут оказать достаточное сопротивление попыткам сообществ в центре переселиться на их земли. Но может произойти отселение из центра на периферию агломерации, через земли соседних сообществ. В этом случае население центральных резервуаров, как правило, покидает их почти полностью. Это вызвано тем, что нужно преодолеть

сопротивление соседей, через земли которых приходится пройти. Такое сопротивление, как правило, небольшим группам мигрантов не преодолеть. Кроме того, мы должны учитывать, что низкий уровень развития населения в течение периода активных миграций, при высоком критическом коэффициенте, делает невозможным безопасное существование отдельных, небольших групп людей. В те времена человек мог выжить, только если он был частью достаточно большого сообщества. Как показывает этнографический материал, между соседними племенами, если они не входили в союз, велись постоянные войны и убить человека из чужого племени считалось подвигом. Именно поэтому люди старались держаться вместе, поскольку было опасно в малом количестве как переселяться на новые земли, так и оставаться на старых.

И экс-центральные, и периферийные миграции являются первичными миграциями, то есть их возникновению не предшествуют непосредственно другие миграции. Однако вследствие первичных миграций могут возникать вторичные миграции. Если, например, произошла экс-центральная миграция и почти все население покинуло данный резервуар, то критический коэффициент в нем резко упал. Под действием первого закона резервуара в опустевший резервуар начнет переселяться население из соседних резервуаров, то есть произойдет вторичная миграция.

(Далі буде).

